

скоро замечает, что свободный дух ведет к пробуждению рабочих; и тогда он обращается вспять, бросает свои радикальные убеждения и заодно с «охранителями» требует исключительных кар против рабочих и - военной диктатуры.

Для поддержания существующих привилегий требуется, наконец, целый обширный состав судей, прокуроров, жандармов и тюремщиков, а все это становится в свою очередь источником целой системы доносов, обманов, подкупов и всевозможных подлостей.

Мало того: этот порядок вещей прямо-таки мешает развитию среди людей общественных чувств.

Каждый понимает, что без прямоты в отношениях, без самоуважения, без взаимного сочувствия и поддержки человеческий род должен исчезнуть, как исчезают те немногие животные виды, которые живут хищничеством и порабощением друг друга. А между тем жизнь толкает каждого в противоположную сторону.

Много хороших слов было сказано в разные времена о том, что мы обязаны делиться с неимущими тем, что мы имеем. Но каждый, кто начинает прилагать это учение на практике, скоро отворачивается от него и говорит, что все эти великодушные чувства хороши в поэтических произведениях, но вовсе не в жизни. Лгать-это значит не уважать себя, это значит унижаться, говорим мы, а вся наша цивилизованная жизнь представляет собою сплошную ложь. Мы привыкаем, таким образом, сами и приучаем наших детей к двуличности и к лицемерию. А так как ум неохотно поддается этому, то мы стараемся успокоить себя лживыми умствованиями - софизмами. Лицемерие и софизмы становятся второй натурой цивилизованного человека.

Но общество так жить не может: оно должно или вернуться на правильный путь, или погибнуть.

Мы видим, таким образом, что простой факт захвата богатств небольшим меньшинством отражается на всей общественной жизни в ее целом. Человеческие общества должны, под угрозой гибели, какая уже постигла немало государств в древности, вернуться к основному принципу, состоящему в том, что раз орудия производства представляют собою продукт труда всего народа, то они должны перейти в руки всего народа. Частное присвоение их и несправедливо, и бесполезно. Все принадлежит всем, так как все в нем нуждаются, все работали для него по мере сил, и нет никакой физической возможности определить, какая доля принадлежит каждому в производимых теперь богатствах.

Все принадлежит всем! Вот перед нами огромная масса орудий, созданная девятнадцатым веком, вот миллионы железных рабов, которых мы называем машинами и которые пилят и стругают, ткут и прядут за нас, разлагают и вновь восстанавливают сырой материал-одним словом, создают все чудеса нашего времени. Никто не имеет права завладеть хотя бы одной из этих машин и сказать: «Она принадлежит мне, и, чтобы пользоваться ею, вы должны платить мне дань с каждого из ваших продуктов», - так же как средневековый помещик не имел права сказать крестьянину: «Этот холм или этот луг принадлежат мне, и ты будешь платить мне дань с каждого собранного снопа, с каждой копны сена».

Да, все принадлежит всем! И раз только мужчина или женщина внесли в это целое свою долю труда, они имеют право на свою долю всего, что производится общими усилиями всех. А этой доли уже будет достаточно, чтобы обеспечить довольство всем.

Довольно с нас неясных формул, вроде «права на труд» или «каждому продукт его труда»! То, чего мы требуем,- это права на довольство - довольство для всех.